

ПОСТЛИБЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ПОЛИТИКО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ В США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ*

А. И. Ланчава

Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, Кадетская линия В. О., 7/2

Статья посвящена анализу концептуальных предпосылок формирования постлиберальной модели университета в работах американских, британских и российских теоретиков. Во введении определяются основные принципы постлиберального подхода к высшему образованию: отказ от методологического индивидуализма, расширенная трактовка рациональности, отрицание радикального разделения теории и практики, а также критика глобализма с позиций религиозных, национальных, локальных форм идентичности. Утверждается, что в США постлиберализм возник в результате попытки группы богословов отказаться от акцента на эпистемологических проблемах в пользу приоритета исследований онтологии религиозных феноменов. Доказывается, что политическая теология американского постлиберализма сформировалась в результате критики фрагментации политического пространства. Американские постлибералы выступают против трактовки религии как главной причины политических конфликтов и ее вытеснения в частную сферу национальным государством. Реформа одного из ключевых институтов — университета — основана на переосмыслении знания как взаимного дара и заимствования практик из жизни монастырей. Главным отличием британского подхода является акцент на невозможности реализации проекта постлиберального университета без отказа от трактовки политики как конфликта в пользу концепции общего блага. Этим объясняется стремление британских теоретиков рассматривать интеллектуальные элиты не как участников борьбы за власть, а как носителей традиционного авторитета. Спецификой российского подхода является трактовка постлиберализма как преимущественно негативного феномена. Несмотря на поверхностные сходства с зарубежными аналогами, отечественная постлиберальная теория образования основана не на отказе от конфликтной трактовки политики, но на ее более последовательном воплощении.

Ключевые слова: университет, постлиберализм, политическая теология, образование, секуляризация.

Согласно британскому богослову и теоретику образования Дж. Г. Ньюману, «Либеральное Образование в сущности представляет собой культивацию интеллекта как такового, и его целью выступает не что иное, как интеллектуальное совершенство». При этом интеллектуальное развитие формально отделено от представлений о морали и религии: «...Либеральное Образование ценно не из-за полезности для Церкви, а само по себе... [развитие разума является] объектом столь же понятным, как и культивация добродетелей, но в то же время аб-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01601, <https://rscf.ru/project/23-28-01601/>).

солютно от него отличным» [Newman, 1873, p. 121–123]. Радикальным отказом от подхода Дж. Г. Ньюмана стало переосмысление в рамках неолиберальной парадигмы середины XX в. высшего образования как принципиально утилитарного и глобально ориентированного. Уже во второй половине XX в. образование в рамках неолиберальной парадигмы стало рассматриваться «в качестве панацеи для решения широкого спектра проблем», а университет — трактоваться как ключевое учреждение глобального мирового порядка, «которое поддерживало эмансипацию индивида в качестве источника прогресса во всех институциональных сферах» [Furuta, Meyer, Bromley, 2023, p. 96]. В конце XX — начале XXI в. в США, Великобритании и России в рамках постлиберального подхода принципы индивидуализма, рационализма, утилитаризма и глобализма (нео)либерального образования были поставлены под сомнение. Р. Дейвис заметил, что вопрос точного определения постлиберализма в образовательном контексте остается нерешенным: «...постлиберализм может быть не более чем удобным ярлыком, навешиваемым на определенные полемические аргументы и взгляды, которые либо сущностно противоположны либеральному образовательному проекту *tout court*, либо выступают в рамках установленных, пускай исторически и гибких, параметров либерализма и ценностей либерального образования, за расширение их морального и эпистемологического диапазона» [Davis, 2015, p. 24]. Исследователь Ф. Ольшлегер считает постлиберализм преимущественно негативным феноменом: «Метанарратив Просвещения об отделенном от традиции разуме потерял свой авторитет в глазах многих представителей элит и по большей части был заменен откровенной приверженностью ницшеанской воле к власти... Нет сомнения, что движение от либерализма к постлиберализму является частью логики самой технологии, смешивающей *techne* и *logos*, производство и знание, тем самым создавая необходимого ей субъекта» [Oehlschlaeger, 2003, p. 1]. Дж. Фурута, Дж. Мейер и П. Бромли оценивают ситуацию не столь пессимистично, считая, что разрушение либерализма постепенно приводит «к частичному замещению данного порядка менее универсалистскими альтернативами». По мнению ученых, уже в ближайшем будущем «можно представить формирование рейтингов университетов на основании их исламских или христианских характеристик» [Furuta, Meyer, Bromley, 2023, p. 110]. Суммируя выводы исследователей о тенденциях формирования постлиберального образования, можно выделить ряд его базовых принципов: 1) отказ от методологического индивидуализма; 2) расширенную трактовку рациональности, допускающую использование аргументов, основанных на религиозных, этических и др. представлениях; 3) отрицание радикального разделения теории и практики; 4) отказ от глобализма в пользу религиозных, национальных, локальных форм идентичности.

Постлиберализм в США возник в 70–80-х годах XX в. в рамках теологических дебатов по вопросам метода интерпретации библейских текстов. Одним из ключевых принципов американского постлиберального подхода выступала убежденность в том, что «онтология должна стать приоритетной в сравнении с эпистемологией» [Knight, 2013, p. 127]. Дебаты по данному вопросу велись в контексте попыток точного определения соотношения реальности религиоз-

ных феноменов и описывающего их языка: «...либеральные теологи в целом принимали требования дескриптивистов в вопросе приемлемого использования религиозного языка, тогда как постлибералы поддерживали Витгенштейна и философию обыденного языка». Это означало, что для первых «базовой функцией языка было описание картины мира или его части», тогда как для вторых ключевой являлась попытка ответить на вопрос: «Какую роль утверждения играют в наших жизнях?» [Knight, 2013, p. 10–12]. Современные постлиберальные теологи соглашались с трактовкой К. Шмиттом взаимосвязи языка политической философии Модерна и теологии: «...все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия. Не только по своему историческому развитию... но и в их систематической структуре» [Шмитт, 2016, с. 34]. Так, по мнению католического богослова У. Т. Кавано, «современное государство построено на сотериологии спасения от насилия... Тем не менее сотериология современного государства необъяснима, если не учитывать, что Церковь, пожалуй, является тем, от чего современное государство должно нас спасти» [Cavanaugh, 2013, p. 2, 20]. Кавано утверждает, что формирование концепции современного национального государства происходило параллельно с процессом секуляризации. Выделение секулярной сферы стало не продуктом европейских религиозных конфликтов, а результатом намеренной манипуляции со стороны правителей абсолютистских национальных государств. Римская Католическая Церковь воспринималась ими как помеха в осуществлении эксклюзивных прав на политическое правление. В Средние века религия трактовалась как разновидность добродетели, но в эпоху Модерна она была намеренно преобразована в «нормативную концепцию», которая «не просто описывала новую социальную реальность, но помогала воплотить ее в жизнь и навязать ее» [Cavanaugh, 2009, p. 85]. Концепция религии в либеральной трактовке сводилась к двум пунктам: ее универсальности и склонности порождать социально-политические конфликты. По мнению редактора католического журнала «New Polity» М. Барнса и историка Э. У. Джонса, тщательный анализ либерализма вскрывает его связь с понятием политического К. Шмитта. В основании либерализма также лежит «власть устанавливать политический порядок... Эта власть объявляет тех, кто находится за пределами порядка, врагами. Это та самая власть, что наделяет всех правом “свободы слова”, кроме тех, кто отрицает “свободу слова”. Эти враги, находящиеся за пределами политического порядка, являются настоящими объектами политики... Политика — это война» [Barnes, Jones, 2021]. Но, как утверждают Барнс и Джонс, «Карл Шмитт ошибался, полагая, что сущность политического заключается в декларировании различия между другом и врагом». Постлибералы настаивают, что «политическое через уязвимость дружбы открывается универсальному, истине, которая всегда выходит за границы собственного выражения. Политическое основано на открытости... в своей структурной форме». Образовательный аспект подобной политической теологии заключается в переосмыслении «сущности политического как способности одного человека вести другого к добродетели в рамках существующей разницы властных статусов» [Barnes, Jones, 2021]. Таким образом, постлиберальная критика ли-

беральной политической теологии основывается на отказе от конфигурации современного политического пространства, сконструированного из частных сфер и направленного на подавление любых публичных дебатов о реальности религиозного опыта. В сущности, постлибералы выступают против принципа, сформулированного еще И. Кантом: «...вовсе не дело правительства заботиться о будущем блаженстве своих подданных» [Кант, 1999, с. 223].

Евангелический теолог С. Хауэрвас соглашается, что постлиберальная теология должна быть основана на отказе от конфликтной трактовки политики в пользу христианских принципов. Однако «известные нам университеты, государственные и частные, секулярные и религиозные, производят и воспроизводят знания, которые одновременно отражают [сущность] государства и служат ему. Университет — это великий институт легитимации в современности. Его задача — внушить нам: все так, как и должно быть. Специализация, которую можно охарактеризовать и как фрагментацию знания, составляющего основу курсов современного университета, играет ключевую роль в формировании из студентов верных слуг статуса-кво и, в частности, современного национального государства» [Hauerwas, 2007, p. 6]. По мнению постлиберальных христианских теоретиков образования Дж. Бейкера и Дж. Билбро, «для восстановления университета необходимы три вещи: воображение, направляемое единой системой знаний, общий язык и ответственная работа» [Baker, Bilbro, 2017, p. 36].

В рамках христианской теологии единство знания достигается через усвоение неразрывной связи Творения и Божественного слова (Логоса). Идея о разумной структуре мира является фундаментом христианского образования, обеспечивая стабильность разделяемых большинством верующих представлений о базовых характеристиках реальности. Но в условиях современного университета наиболее базовые философские представления начинают размываться из-за радикальной трансформации характера самого знания. По мнению постлиберального католического философа Д. К. Шиндлера, «проблема “универсальности университета” очевидно выходит за границы самого университета. Как мы и предполагали с самого начала, состояние университета является симптомом состояния культуры в целом. Когда неспособность вести диалог особенно остро и болезненно ощущается во время семинарских занятий, мы вынуждены признать, что в рамках нашей культуры была утрачена способность вести осмысленные беседы [conversations]» [Schindler, 2013, p. 96]. По мнению философа, принципиальное различие постлиберального и либерального подходов заключается в том, «определяется ли образование как “искусство обращения” или обращение [conversion], наоборот, трактуется как в сущности “частное или личное дело”, случайное событие относительно университета, который в своей сущности нацелен на передачу “осваиваемых” навыков и знаний» [Schindler, 2013, p. 93]. Возвращение к трактовке образования как обращения основывается на (1) совместном постижении (2) трансцендентных принципов реальности. В сущности, подход Д. К. Шиндлера следует логике герменевтического круга. Начиная обсуждение великих произведений со студентами, преподаватели должны подталкивать их к восприятию «совокупности идей как откровения, открытия, таким образом, “чего-то большего”. Это “что-

то» не является еще одной идеей, очередной частицей информации, но реальностью совершенно другого порядка, которая находит выражение в трансформации самого сообщения, изменении его качества» [Schindler, 2013, p. 91]. При этом отношения взаимного познания должны определяться абсолютной реципрокностью, которая приведет к переосмыслению бытия как «одновременно щедрого и отзывчивого действия, которое обозначается словом “дар”» [Schindler, 2006, p. 590]. Надежда на обретение истины и сам процесс поиска знания не только обеспечат временную целостность человеческой жизни, но и заставят студентов «*повернуться к реальности вместе*». Постоянный процесс взаимного убеждения и аргументации приведет к «радикальному повороту всей души» [Schindler, 2013, p. 92–93], обращению участников разговора, что само по себе невозможно без столкновения с трансцендентными понятиями. Таким образом, сам процесс обеспечит целостность знания, времени и жизни, так как «*con-versio* и есть *uni-versio*» [Schindler, 2013, p. 93]. Подобный подход отличается от всех предыдущих эпох отказом от методологического индивидуализма, потому что даже в классической трактовке в текстах Св. Фомы проблема познания «вращается вокруг отдельной души и принятия ею определенной формы» [Schindler, 2006, p. 597].

Но переосмысление трактовки знания является недостаточным само по себе, оно должно сопровождаться изменением образовательных практик. По мнению Д. К. Шиндлера, наилучшим прообразом для модели постлиберального университета, основанного на полной реципрокности знания, должна стать форма взаимоотношений монахов, у которых «нет в собственности ничего, а с другой стороны есть всё, что нужно» [Schindler, 2006, p. 597]. Дж. Бейкер и Дж. Билбро подчеркивают, что одной из главных причин отчуждения студентов и преподавателей от социальной и физической реальности стал отказ от ручного труда: «... наш язык остается отчужденным от наших мест и поэтому неспособен описать их сложную реальность. Сделать наш язык более точным можно лишь поработав, запачкав руки и столкнувшись с суровыми нюансами нашей ситуации, а затем позволив работе очистить и отточить наш язык» [Baker, Bilbro, 2017, p. 19]. В сущности, Бейкер и Билбро настаивают на необходимости восстановления еще одного монашеского принципа — *ora et labora*, т. е. единства духовной жизни с ручным трудом. Другим проявлением отчуждения в современном мире является формирование дихотомии карьера/досуг, в рамках которой критериями успеха становятся внешние показатели в виде богатства и власти. В постлиберальном университете отказ от такого подхода осуществляется путем возвращения к протестантской традиции понимания «работы как... Божественного призвания». По мнению Дж. Бейкера и Дж. Билбро, студентам необходимо задаться вопросами: «Призывает ли Бог кого-нибудь стать водопроводчиком?» и «Если каждый является лидером, то кто занят самой простой и благой работой, необходимой для процветания любого общества?» [Baker, Bilbro, 2017, p. 128].

Главным отличием британского подхода является помещение всех предлагаемых реформ университета в контекст политической теологии общего блага. Англиканский теолог Дж. Милбанк и католический политический теоретик А. Пабст подчеркивают, что вера в «общее благо способствует разнообразному

поиску общих целей», а само «общее благо не является математически измеримым благом, суммой предметов в частном владении, а скорее связано с истинными благами, которые мы делим между собой, такими, как близость доверие и красота... ощущение общего блага, разделяемое культурой в целом, заложено в практиках чести и реципрокности» [Milbank, Pabst, 2016, p. 70]. Для британских мыслителей сама идея политического правления неотделима от представления о необходимости образования граждан. Продолжая политико-философскую традицию, восходящую еще к Платону, Милбанк и Пабст, в сущности, отрицают кантианскую критику недопустимости патернализма. По мнению британских мыслителей, внедрение теологии в образовательные программы всех уровней приведет не к распространению ностальгических настроений и ресентимента, а к развитию демократии. На современном этапе утрата трансцендентного элемента, цели (*telos*) в человеческих отношениях привела к их эрозии, «симпатия стала значить не больше, чем эмпатия, а эмпатия в отношении чувств другого является основанием не только сострадания, но и жестокости» [Milbank, Pabst, 2016, p. 287]. Однако возвращение к классическому балансу *polis* и *paideia* для восстановления представлений о трансценденции и добродетелях невозможно. В Античности «политика и образование рассматривались как равные, и каждый в равной степени был склонен подчинять другого» [Milbank, Pabst, 2016, p. 286]. Это приводило либо к ограничению распространения добродетелей в кругу аристократии духа, либо к подчинению образования интересам правителей. Но «эта переоценка политического была навсегда прервана *ecclesia*. Последняя вышла за рамки классического баланса в направлении смешения образования с политикой, так как она признавала в своих земных детях граждан Царствия Небесного... И наоборот, стремилась подчеркнуть, что даже взрослые оставались детьми перед взором Господа — детьми, которые должны непрерывно учиться» [Milbank, Pabst, 2016, p. 287]. Таким образом, в рамках христианской теологии «добродетель демократизируется» и «всеобщее образование представляет собой одну из форм» ее культивации [Milbank, Pabst, 2016, p. 71]. Однако Дж. Милбанк подчеркивает, что «чистая демократия склонна отрицать святость жизни» [Milbank, 2009, p. 129], поскольку она не учитывает всей полноты человеческих отношений, которые включают отношения иерархии и представления об авторитете. Поэтому в рамках постлиберальной парадигмы «политическая теология и экклесиология должны наконец объединиться. Обе подразумевают классическое смешение демократии, аристократии и монархии, даже если христианский *demos* [оказывается] парадоксально помазанным, а христианская «монархия» парадоксально кенотической» [Milbank, 2009, p. 7].

Университет в условиях данного смешанного режима должен быть непосредственно связан с формированием новых интеллектуальных элит. Еще в 1972 г. М. Фуко доказывал, что в ходе протестов 1968 г. «интеллектуалы поняли, что массы ради знания в них уже не нуждаются. Дело в том, что массы сами прекрасно и отчетливо всё знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить» [Фуко, 2002, с. 68]. Французский философ считал, что новая задача интеллектуалов заключается в борьбе с попытками власти инструментализировать знание, но, как заметил М. Сандел,

«трансформация левых партий из партий рабочих в партии интеллектуальных и профессиональных элит» привела к формированию меритократической системы, породившей «высокомерие и тревожность в победителях и униженность и ресентимент в проигравших» [Sandel, 2021, p. 180, 103]. Результатом стало расщепление политического пространства на сторонников неолиберальных меритократических элит и популистов, склонных к антиинтеллектуализму. Решение данной проблемы заключается не в бунте против правящих классов или, наоборот, в захвате власти контрэлитой, а в осознании того, как деятельность интеллектуалов может быть перенаправлена на служение общественным интересам. В качестве первого шага к достижению цели британские мыслители предлагают «сбалансировать меритократию с правом рождения, которое также включает в себя унаследованные и, следовательно, более объективные обязанности» [Milbank, Pabst, 2016, p. 221]. Расширение наследственных прав аристократов должно совпадать с их растущей интеграцией в структуру гражданской службы Великобритании. В случае успеха данная реформа «усилит сущностную демократию за, казалось бы, счет формальной демократии», но для ее реализации необходимо «создание программ высшего образования (нацеленных на сплав экспертизы и этических соображений)» [Milbank, Pabst, 2016, p. 224], а также распространение «радикально католического» этоса, «который даст власть новому типу элит, ее представители обретут самоуважение из-за своей социальной щедрости, а не богатства» [Milbank, 2009, p. 9] и станут конкретным воплощением тысячелетней традиции авторитета, будучи наделенными «полномочиями, исходящими от Короны» [Milbank, Pabst, 2016, p. 224].

В российской системе высшего образования влияние либерализма на уровне идей крайне ограничено из-за негативного опыта 1990-х годов и возобновившегося в начале XXI в. геополитического противостояния с США. По этой причине термин «постлиберализм» употребляется не в контексте размышлений о преодолении недостатков либерального подхода, а для описания негативных последствий его распада. Как отмечает политолог Д. А. Юрьев, «современный постлиберализм — это не просто исчерпание либеральной идеи, но и исчерпание — а точнее, разрушение и уничтожение — изначальных либеральных идеалов, ставших ценностями всего человечества и основанных на принципе свободного развития личности. Исчерпание и конец свободы» [Юрьев, 2021, с. 62]. С подобной оценкой соглашается А. Г. Дугин, по мнению которого у постлиберализма «нет более политического измерения, он не является делом свободного выбора, но становится своего рода "судьбой"» [Дугин, 2009, с. 13]. Однако концепция евразийского образовательного канона, развиваемая А. Г. Дугиным в качестве потенциальной идейной базы российского образования, строится на принципах, аналогичных концепциям западных постлибералов. Российский философ отмечает, что влияние либерализма в российском образовании раскрывается не на уровне декларируемых идей, а при рассмотрении структурных принципов. А. Г. Дугин подчеркивает, что, несмотря на постоянные институциональные реформы, «нам не хватает эпистемы». Он предлагает начать ее конструирование на основании трех «осевых дисциплин» — богословия, этносоциологии и геополитики. Однако, несмотря на поверхностное сходство, от-

личие концепции А. Г. Дугина заключается в глубоком политико-теологическом разногласии с западными постлибералами. Как отмечает сам А. Г. Дугин, «либерализм, всегда настаивавший на минимализации *Политического*, после своей победы решил вообще отменить политику» [Дугин, 2009, с. 5]. Англо-американские теоретики считают, что данная ситуация дает возможность для изменения концепции знания и институциональной структуры университета путем отказа от конфликтной трактовки политики в пользу концепции общего блага. Российский философ, наоборот, полагает, что новая модель высшего образования может быть построена лишь при условии отказа от представлений о либеральной нейтральности в пользу соперничества народов, каждый из которых «имеет равные права в творении *Политического*» [Дугин, 2009, с. 209]. Таким образом, речь идет не об отказе от трактовки сущности политики как войны, а о ее более последовательном и полном воплощении.

Подводя итог статьи, необходимо подчеркнуть противоречивость оценок постлиберальными теоретиками университетского образования наследия предыдущих эпох. Американский постлиберализм отвергает методологический индивидуализм и узкую трактовку рациональности либерального подхода. Тем не менее постлибералы остаются привержены идеям общественного служения, свободного развития знания и ограниченного влияния теологии в современных университетах. Предлагая заимствовать практики средневековых монастырей или вернуться к протестантской трактовке работы как призвания, постлибералы стремятся скорректировать ошибки либерального подхода, а не просто возродить отжившие формы организации. В сущности, постлиберальные теоретики образования стремятся достичь тех же целей, что и либералы, но другими средствами. По этой причине Дж. Милбанк и А. Пабст называют постлиберализм «политикой парадокса». Поддерживая идеи демократии, плюрализма и равенства в высшем образовании, британские мыслители настаивают, что их воплощение возможно лишь на основании христианских ценностей и авторитета традиционных институтов, которые трактуются современными либералами в качестве основных препятствий для развития критического мышления. Несмотря на отличия российского подхода от иностранных аналогов, он также сохраняет имплицитную связь с либеральной теорией. Трактую либерализм как попытку отменить политику, А. Г. Дугин настаивает на необходимости усиления политического соперничества для формирования новой университетской модели. Таким образом, несмотря на внешние различия, подход российского философа совпадает с либеральной трактовкой политики как принципиального конфликта.

Литература

Дугин А. Г. Четвертая политическая теория: Россия и политические идеи XXI в. СПб.: Амфора, 2009. 351 с.

Кант И. Спор факультетов // Кантовский сборник: Межвузовский тематический сборник научных трудов. 1999. № 1 (21). С. 196–244.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.

Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.

Юрьев Д. Постлиберализм и конец свободы // Тетради по консерватизму: Альманах. № 4. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2021. С. 49–63.

Baker J., Bilbro J. Wendell Berry and Higher Education: Cultivating Virtues of Peace. Lexington: The University Press of Kentucky, 2017. 268 p.

Barnes M., Jones A. W. The Decision Against Carl Schmitt // The New Polity. 06.06.2021. URL: <https://newpolity.com/blog/against-schmitt?rq=against%20carl> (дата обращения: 06.02.2024).

Cavanaugh W. T. The Myth of Religious Violence. Oxford University Press, 2009. 285 p.

Cavanaugh W. T. Theopolitical Imagination: Christian Practices of Space and Time. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury T&T Clark, 2013. 130 p.

Davis R. Postliberal Education // Ethics and Education. Vol. 10, no. 1. 2015. P. 23–35.

Furuta J., Meyer J., Bromley P. Education in a Postliberal World Society // The Oxford Handbook of Education and Globalization / ed. by P. Mattei, X. Dumay, E. Mangez, J. Behrend. New York: Oxford University Press, 2023. P. 96–118.

Hauerwas S. The State of the University: Academic Knowledges and the Knowledge of God. Malden, MA; Oxford; Carlton, Victoria: Blackwell Publishing, 2007. 222 p.

Knight J. A. Liberalism versus Postliberalism: The Great Divide in Twentieth-Century Theology. Oxford: Oxford University Press, 2013. 313 p.

Milbank J., Pabst A. The Politics of Virtue. London, New York: Rowan & Littlefield International, 2016. 418 p.

Milbank J. The Future of Love: Essays in Political Theology. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2009. 404 p.

Newman J. H. The Idea of a University. London: Basil Montague Pickering, 1873. 527 p.

Oehlschlaeger F. Love and Good Reasons: Postliberal Approaches to Christian Ethics and Literature. Durham; London: Duke University Press, 2003. 313 p.

Sandel M. The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good? London: Penguin Books Ltd., 2021. 288 p.

Schindler D. C. Towards a Non-possessive Concept of Knowledge: On the Relationship Between Reason and Love in Aquinas and Balthasar // Modern Theology. 2006. Vol. 22, iss. 4. P. 577–607.

Schindler D. C. On the Universality of the University: A Response to Jean-Luc Marion // Communio. 2013. Vol. 40, no. 1. P. 77–99.

Ланчава Александр Игоревич — магистр религиоведения; beltamel@hotmail.com

Статья поступила в редакцию: 1 апреля 2024 г.;

рекомендована к печати: 27 сентября 2024 г.

Для цитирования: Ланчава А. И. Постлиберальный университет как политико-теологический проект: концептуальные предпосылки формирования в США, Великобритании и России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 4. С. 645–655. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.403>

POSTLIBERAL UNIVERSITY AS A POLITICO-THEOLOGICAL PROJECT: CONCEPTUAL PREMISES OF ITS FORMATION IN THE USA, GREAT BRITAIN AND RUSSIA*

Alexander I. Lanchava

7/2, Kadetskaya liniya V. O., St. Petersburg, 199004, Russian Federation; beltamel@hotmail.com

The article analyzes the conceptual premises for the formation of the postliberal university model in the works of American, British and Russian theorists. The introduction defines the basic princi-

* The research was supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-28-01601, <https://rscf.ru/project/23-28-01601/>).

ples of the postliberal approach to higher education: the critique of methodological individualism, a wider interpretation of rationality, the rejection of the radical separation of theory and practice, as well as criticism of globalism in favor of religious, national, and local forms of identity. It is argued that in the United States, postliberalism was formed as a result of an attempt by a group of theologians to abandon the emphasis on epistemological problems in favor of the priority of the ontology of religious phenomena. It is stated that the political theology of American postliberalism criticizes the fragmentation of political space. American postliberals oppose the interpretation of religion as the main cause of political conflicts and its confinement to the private sphere by the nation state. The reform of one of the key institutions, the university, is based on reinterpreting knowledge as a mutual gift and on development of the idea of public service through practices, borrowed from the life of monasteries. The main difference of the British approach is the emphasis on the impossibility of implementing the project of the postliberal university without abandoning the understanding of politics as conflict in favor of the concept of the common good. This explains the desire of British theorists to view intellectual elites not as participants in the struggle for power, but as bearers of traditional authority. In Russia, postliberalism is considered to be mostly a negative phenomenon. Despite superficial similarities with foreign analogues, Russian postliberal approach to higher education does not reject the interpretation of politics as conflict, but insists on its more consistent implementation.

Keywords: university, postliberalism, political theology, education, secularization.

References

- Baker J., Bilbro J. *Wendell Berry and Higher Education: Cultivating Virtues of Peace*. Lexington: The University Press of Kentucky, 2017. 268 p.
- Barnes M., Jones A.W. The Decision Against Carl Schmitt. *The New Polity*. 06.06.2021. Available at: <https://newpolity.com/blog/against-schmitt?rq=against%20carl> (accessed: 06.02.2024).
- Cavanaugh W.T. *The Myth of Religious Violence*. Oxford University Press, 2009. 285 p.
- Cavanaugh W.T. *Theopolitical Imagination: Christian Practices of Space and Time*. London, New Delhi, New York, Sydney: Bloomsbury T&T Clark, 2013. 130 p.
- Davis R. Postliberal Education. *Ethics and Education*, 2015, vol. 10, no. 1, pp. 23–35.
- Dugin A. G. *The Fourth Political Theory: Russia and Political Ideas in XXI c.* St. Petersburg: Amfora Publ., 2009. 351 p. (In Russian)
- Foucault M. *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, speeches and interviews*. Moscow: Praxis Publ., 2002. 384 p. (In Russian)
- Furuta J., Meyer J., Bromley P. Education in a Postliberal World Society. *The Oxford Handbook of Education and Globalization*, ed. by P. Mattei, X. Dumay, E. Mangez and J. Behrend. New York: Oxford University Press, 2023, pp. 96–118.
- Hauerwas S. *The State of the University: Academic Knowledges and the Knowledge of God*. Malden; Oxford; Carlton, Victoria: Blackwell Publishing, 2007. 222 p.
- Kant I. The conflict of the faculties. *Kantovskii sbornik: Mezhvuzovskii tematicheskii sbornik nauchnykh trudov*, 1999, no. 1 (21), pp. 196–244. (In Russian)
- Knight J. A. *Liberalism versus Postliberalism: The Great Divide in Twentieth-Century Theology*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 313 p.
- Milbank J., Pabst A. *The Politics of Virtue*. London, New York: Rowan & Littlefield International, 2016. 418 p.
- Milbank J. *The Future of Love: Essays in Political Theology*. Eugene, Oregon: Cascade Books, 2009. 404 p.
- Newman J. H. *The Idea of a University*. London: Basil Montague Pickering, 1873. 527 p.
- Oehlschlaeger F. *Love and Good Reasons: Postliberal Approaches to Christian Ethics and Literature*. Durham, London: Duke University Press, 2003. 313 p.
- Sandel M. *The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?* London: Penguin Books Ltd., 2021. 288 p.

Schindler D. C. Towards a Non-possessive Concept of Knowledge: On the Relationship Between Reason and Love in Aquinas and Balthasar. *Modern Theology*, 2006, vol. 22, iss. 4, pp. 577–607.

Schindler D. C. On the Universality of the University: A Response to Jean-Luc Marion. *Communio*, 2013, vol. 40, no. 1, pp. 77–99.

Schmitt C. Political Theology. In: *Poniatie politicheskogo*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016, pp. 5–59. (In Russian)

Yuriev D. Post-Liberalism and The End of Freedom. *Tetradī po konservatizmu: Al'manakh*, no. 4. Moscow: Nekommercheskii fond — Institut sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovanii (Fond ISEPI) Publ., 2021, pp. 49–63. (In Russian)

Received: April 1, 2024

Accepted: September 27, 2024

For citation: Lanchava A. I. Postliberal university as a politico-theological project: Conceptual premises of its formation in the USA, Great Britain and Russia. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 645–655. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.403> (In Russian)